

Щербаков Дмитрий Александрович

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: СОДЕРЖАНИЕ И ОБЪЁМ ПОНЯТИЯ

Статья раскрывает содержание и определяет объём понятия "историческая реальность", которое используется в исторической науке, философии истории и онтологических исследованиях бытия человечества во времени. Обоснована мысль о том, что данное понятие, подразумевающее развитие человечества как единого органического целого, является единичным по своему объёму. Научная новизна исследования заключается в применении формальной логики для характеристики этого предельного философского понятия.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/10-1/53.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 10(84) : в 2-х ч. Ч. 1. С. 202-208. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список источников

1. **Борисов.** О барнаульских художниках // Красный Алтай. 1936. 21 марта.
2. **Борисов А. Н.** О Барнаульской изостудии // Красный Алтай. 1937. 21 января.
3. **Борисов А.** Художественные картины валяются в амбаре // Красный Алтай. 1929. 13 февраля.
4. **Выставка работ художника Алексея Николаевича Борисова, члена Союза советских художников за 25-летний период художественной деятельности:** каталог. Барнаул: Красный Алтай, 1936. 15 с.
5. **Дариус Е. И.** Художник Алексей Николаевич Борисов. Жизнь во имя искусства: монография. Барнаул: РИО Алтайского ГАУ, 2015. 207 с.
6. **Научный архив Государственного художественного музея Алтайского края (ГХМАК).** Ф. IV. Р. 1. А. Н. Борисов (воспоминания о художнике).
7. **Научный архив ГХМАК.** Ф. V. Р. 2. Личные документы А. Н. Борисова.
8. **Шишин М. Ю.** Жизнь и творчество художника Борисова // Искусство Алтая в Краевом музее изобразительных и прикладных искусств. Барнаул: Алтайское кн. изд-во, 1989. С. 55-66.

GRAPHICAL HERITAGE OF THE ARTIST A. N. BORISOV (1889-1937)

Shishin Mikhail Yur'evich, Doctor in Philosophy, Professor
Polzunov Altai State Technical University, Barnaul
shishinm@gmail.com

Darius Elena P'inichna
State Art Museum of the Altai Territory, Barnaul
elenadarius@mail.ru

Aleksei Nikolaevich Borisov (1889-1937) is one of the leading Altai artists who contributed greatly to the formation and development of professional art and education in the Altai region and, in particular, in Barnaul in the 1920-1930s. Recently the remaining A. N. Borisov's creative heritage (nearly 70 paintings), an integral part of Altai and Siberian art, is accumulated in the collection of the State Art Museum of the Altai territory. Relying on documentary sources and paintings from the collection of the museum the article examines the artist's creative development and analyzes his graphical works.

Key words and phrases: A. N. Borisov; collection of graphical works; State Art Museum of the Altai territory; Barnaul; Altai.

УДК 115

Философские науки

Статья раскрывает содержание и определяет объём понятия «историческая реальность», которое используется в исторической науке, философии истории и онтологических исследованиях бытия человечества во времени. Обоснована мысль о том, что данное понятие, подразумевающее развитие человечества как единого органического целого, является единственным по своему объёму. Научная новизна исследования заключается в применении формальной логики для характеристики этого предельного философского понятия.

Ключевые слова и фразы: историческая реальность; содержание понятия; онтология; бытие; время; сущность.

Щербаков Дмитрий Александрович, к. филос. н.
Оренбургский государственный педагогический университет
at720@ya.ru

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: СОДЕРЖАНИЕ И ОБЪЁМ ПОНЯТИЯ

Историческая реальность – это мир людей и их творений. Если перечислить основные признаки человеческого мира, то есть дедуктивно раскрыть смыслы, прячущиеся в этой лаконичной дефиниции, то можно получить более подробное определение – сложное, но удобное для работы детальной артикуляцией содержания этого понятия. Историческая реальность – это человечество, существующее и изменяющееся, развивающееся во времени, как особый духовно-физический мир совместной жизни и деятельности людей, во всей совокупности конкретных условий и фактов его бытия.

Эта дефиниция является итогом размышления, проблемой которого была попытка понять, о чём мы говорим, когда говорим об исторической реальности. Определяя это понятие именно такими значениями, мы исходим из того, что «реальность» – это то, что есть, нечто, существующее на самом деле (в самом общем смысле – всё существующее), а «история – это бытие человечества во времени» [13, с. 59, 70]. В данном определении термин «человечество» обозначает реальность, то есть то, что существует, то, о чём идёт речь, а остальные слова раскрывают признаки или свойства – характеристики существования человечества, то есть критерии историчности этой реальности.

В обыденном мышлении, в массовом сознании это неопределённое понятие с неясным содержанием и нечётким объёмом, потому что ему может быть приписано неопределённо большое количество признаков,

и каждый человек по-своему понимает сущность исторического и смысл слова «реальность». Определённость этого понятия может быть достигнута определением значений составляющих его двух терминов и договорённостью о том, в отношении чего оно применяется. Хорошие вопросы, которые должны быть заданы при составлении его логической характеристики: как могут определяться содержание и объём понятия и как они должны быть определены, какими способами и процедурами, но при этом так, чтобы быть не случайными и произвольными, а логически общезначимыми, всеобщими и необходимыми.

В формальной логике «понятие считается определённым в том случае, когда у него ясное содержание и чёткий объём», при этом «содержание понятия – это наиболее важные признаки того объекта, который оно выражает, а объём – это количество охватываемых им объектов» [4, с. 20]. Работа над логической характеристикой понятия «историческая реальность» показывает, что определённость этого понятия зависит от концепции, в рамках которой данное понятие используется.

Согласно идеалистическим концепциям историческая реальность – это прежде всего духовная реальность, в которой дух развивается во времени, накапливая и перерабатывая в себе все свои прошлые опыты и состояния как совокупный опыт и знания всего человечества. Дух существует и действует прежде всего как человеческий разум. Такое толкование исторического мы имеем в трудах Гегеля, Бердяева, Кроче, Коллингвуда, Риккерта, Дильтея и других мыслителей [2; 3; 8; 9; 12]. Идеалистические концепции обосновывали такие характеристики исторического, как духовность (разумность), сведение исторического к человеческому, ибо только человек обладает разумом. Так, Гегель писал, что «разум есть субстанция» и «разум правит и правил миром» [3, с. 486, 491]. Соответственно, всемирная история является производением творческого разума, «всемирная история совершается в духовной сфере» и по сути она есть «развитие сознания духа о его свободе» [Там же, с. 492, 535]. Соотношение природного и духовного Гегель трактовал следующим образом: «мир обнимает собою физическую и психическую природу; физическая природа также играет некоторую роль во всемирной истории... Но субстанциальным является дух и ход его развития» [Там же, с. 492]. Конкретным выражением духа народа является государство, представляющее собой «ту форму, которая является полной реализацией духа в наличном бытии» [Там же]. Отсюда делался вывод о «доисторическом» прошлом народов, протекшем до создания государств, – это прошлое выносилось за рамки истории. «Доисторическим является то, что предшествует государственной жизни», – писал Гегель [Там же, с. 577]. Общей мыслью, выражающей концепцию Гегеля, было утверждение, что «всемирная история есть вообще проявление духа во времени» [Там же, с. 543].

Близки к гегелевской концепции философско-исторические взгляды Бердяева, который в своём труде «Смысл истории» писал, что история – это «величайшая духовная реальность», человек в ней есть «микрокосм, в котором отражается и пребывает весь реальный мир и все великие исторические эпохи» [2, с. 16, 19]. «Человек есть в высочайшей степени историческое существо. Человек находится в историческом, и историческое находится в человеке. <...> Нельзя выделить человека из истории, нельзя взять его абстрактно и нельзя выделить историю из человека, нельзя историю рассматривать вне человека и нечеловечески». При этом «историческая реальность есть прежде всего реальность конкретная, а не абстрактная» [Там же, с. 12]. «“Историческое” не только конкретно, но и индивидуально, в то время как социологическое не только абстрактно, но и общее» [Там же, с. 13]. Эта конкретность состоит в том, что «человеческая судьба есть совокупность действий всех мировых сил. И эта совокупность мировых сил и порождает действительность высшего порядка, которую мы именуем исторической действительностью. Это особая и высшая духовная действительность. И хотя в истории действуют и играют крупную роль и материальные силы, и экономические факторы... но материальный фактор, действующий в исторической действительности, и сам имеет глубочайшую духовную почву. Историческая материальная сила есть часть духовной исторической действительности. Вся экономическая жизнь человечества имеет духовный базис, духовную основу» [Там же, с. 14].

Как и Бердяев, главнейшую роль человека как носителя и хранителя истории обосновывал и Бенедетто Кроче, который писал, что «человек – микрокосм, но не в натуралистическом, а в историческом смысле: он – компендиум универсальной истории» [9, с. 211]. Отсюда следует, что онтологически «история находится в нас самих и её источники – в наших сердцах» [Там же, с. 182], т.е. историческая реальность совпадает с миром людей, что мы и зафиксировали в определении. Акцентируя духовную сущность исторической реальности, Кроче писал: «сам дух – это история, в любой её момент он – результат и вся предшествовавшая история. Так дух объединяет в себе всю историю, совпадая в ней с самим собой» [Там же]. Отличие природного от исторического видится в том, что изменения объектов природы приводят к полному исчезновению их предыдущих состояний, а история – это особый духовный мир, где ничто не пропадает зря, это – хранилище опыта человечества. В отличие от природы «в бесконечном духе всё преходит, но и всё сохраняется» [Там же, с. 230].

Р. Дж. Коллингвуд, чей труд «Идея истории» тоже стал классикой и вошёл в сокровищницу мировой культуры, тем самым определяя своими толкованиями значения многих исторических понятий, так определяет сущность истории: «исторический процесс сам по себе есть процесс мысли» [8, с. 216]. Предметом истории как науки являются не любые процессы, а «*res gestae* – действия людей, совершённые в прошлом», потому что действия руководствуются мыслями и являются их осуществлением [Там же, с. 13]. Познавая исторические события, историк должен постичь мысли тех людей, которые «делали историю», а именно заново продумать их в своём собственном сознании. Всё, что не относится к осмысленным и целенаправленным человеческим действиям, – не исторично и является лишь природой. Таким образом получается, что «вся история – история мысли» [Там же, с. 204].

Материалистическое понимание истории, развитое в учении Карла Маркса, Фридриха Энгельса и их последователей, представляет историю как естественно-исторический процесс, часть развития природного мира, основой которого является производство материальных благ для удовлетворения человеческих потребностей [15, с. 19]. Маркс и Энгельс писали, что «это понимание истории заключается в том, чтобы, исходя именно из материального производства непосредственной жизни, рассмотреть действительный процесс производства и понять связанную с данным способом производства и порождённую им форму общения – т.е. гражданское общество на его различных ступенях – как основу всей истории; затем необходимо изобразить деятельность гражданского общества в сфере государственной жизни, а также объяснить из него все различные теоретические порождения и формы сознания, религию, философию, мораль и т.д.» [10, с. 418]. Онтологической предпосылкой такого понимания был тезис о том, что «сознание никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием, а бытие людей есть реальный процесс их жизни» [Там же, с. 402]. Отсюда догматически, произвольно выводилось, что «не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание» [Там же, с. 403]. «Это понимание истории... объясняет не практику из идей, а объясняет идейные образования из материальной практики» [Там же, с. 418]. Таким образом, мы видим, что, отрицая субстанциальность духа (сознания), материалистическая концепция исторического процесса не отвергает духовность (разумность) и, стало быть, человечность и социальность как характеристики исторического, но, показывая зависимость сознания от природы, тоже рассматривает их в качестве важнейших компонентов и признаков исторического мира.

Маркс и Энгельс считали, что человек и природа – это не две обособленные друг от друга «вещи» и их нельзя считать противоположностями; ««единство человека с природой» всегда имело место в промышленности» [Там же, с. 426]. «Мы знаем только одну-единственную науку, науку истории. Историю можно рассматривать с двух сторон, её можно разделить на историю природы и историю людей. Однако обе эти стороны неразрывно связаны; до тех пор, пока существуют люди, история природы и история людей взаимно обуславливают друг друга» [Там же, с. 391-392].

Какая-то привычная двойственность в понимании сущности исторического присутствует в работах классиков марксизма. С одной стороны, в широком смысле слова под историей подразумевается процесс движения во времени, процесс изменения и становления, проходящий различные качественные стадии. Например, Энгельс пишет: «И животные имеют историю, именно историю своего происхождения и постепенного развития до своего теперешнего состояния» [15, с. 18]. Из этих слов следует, что Энгельс считал изменчивость и развитие важнейшими характеристиками историчности. Согласно такому пониманию, всё, что не изменяется и не развивается, не исторично. Всё, что изменяется и пребывает в становлении, – исторично, и, стало быть, так как материальная природа развивается, она тоже относится к миру истории. С другой стороны, Маркс и Энгельс суживают мир исторического до развития человеческого общества, что мы видим в таких пассажах, как «вместе с человеком мы вступаем в область истории» [Там же], «Гражданское общество – истинный очаг и арена всей истории» [10, с. 416], «История есть не что иное, как последовательная смена отдельных поколений» [Там же, с. 428].

Анализ существующих на данный момент концепций (как в достаточно чётко артикулированных в различных вариантах онтологической философии истории, так и в зачастую неявных, подразумеваемых в науках о культуре и служащих основанием научных работ по истории) позволяет выделить такие общие и постепенно устоявшиеся в современной культуре признаки, критерии историчности, как человечность (соотнесённость с человеком, человек – центральный элемент, атом истории; мир истории – это мир человека), социальность (история изучает не одинокого человека, а многообразные явления совместной жизни людей, их связи и отношения), духовность (определённость, конституированность сознанием, разумом, идеями; не вещьественность ряда компонентов этой реальности), изменчивость (процессуальность, становление, развитие), временность, конкретность, индивидуальность и принадлежность прошлому. Этот устоявшийся набор признаков историчности (или исторического) можно получить, обратившись к текстам, в которых присутствует слово «история», – к историческим сочинениям, научным трудам по истории, социологии и теории культуры, а также к работам по эпистемологии и онтологической философии истории.

В самом деле, откуда мы берём такую дефиницию исторической реальности и почему она наполнена именно такими смыслами? Видимо, тот простой факт, что книги по истории посвящены именно развитию человечества, человеческим деяниям, приводит к такому пониманию сути исторического. Мы выводим данную дефиницию из того, как определяют объект своего исследования и повествования сами историки, из того, чему они посвящают свои труды. Например, открываем фундаментальный, ставший классикой труд В. О. Ключевского «Русская история. Полный курс лекций» и читаем, что «содержанием истории как отдельной науки, специальной отрасли научного знания, служит исторический процесс, т.е. ход, условия и успехи человеческого общежития или жизнь человечества в её развитии и результатах» [7, с. 9-10]. В своём дневнике 18 июня 1868 года учёный писал, что «история слагается из двух великих параллельных движений – из определения отношений между людьми и развития власти мысли над внешним фактом, т.е. над природой» [6, с. 368]. В области научного познания «мы различаем две основные первичные силы, создающие и движущие совместную жизнь людей: это – человеческий дух и внешняя, или так называемая физическая природа» [7, с. 15]. Такое и созвучное этому по смыслу определение исторического являются объективным фактом культуры, и мы просто принимаем это как есть.

При этом встаёт проблема выявления философских оснований отнесения исторической реальности именно к миру людей. Почему справедливо замечание Коллингвуда, что для обычного историка «всякая

история в подлинном смысле слова представляет собой историю человеческих деяний» [8, с. 202]? На чём основано то, что мы историческим процессом называем преимущественно процесс развития человеческого общества и отделяем его от всей совокупности природных стихийных процессов, считая их чем-то неисторическим? Ответ на этот вопрос лежит не в области формальной логики, а скорее в области культурологии, герменевтики и аксиологии. Можно предположить, что основанием такого понимания служит признание особой ценности человека перед всей природой. Общим для существования природы и человечества является изменчивость того и другого. Суть истории многие сводят именно к изменению во времени. Но так как человек есть наиболее ценный, наиболее важный и интересный для него самого объект среди изменчивого мира, то совершенно особое научное внимание к нему постепенно создало особую науку – историю как науку о прошлой социальной реальности. Косвенное подтверждение этой догадки мы видим в постоянно повторяющихся утверждениях о том, что историческая наука нужна для самопознания человека.

Как известно, само слово «история» древнегреческого ионийского происхождения и первоначально в глагольной форме оно обозначало «собирать сведения», «спрашивать», «исследовать» либо «рассказывать об увиденном – свидетельствовать» (встречается, например, в классической трагедии V века до н.э. у Эсхила, Софокла и Еврипида). В форме существительного слово означало «свидетель», «очевидец», «знающий, сведущий человек» (встречается у Гомера, Платона и др.). Поэтому за историей закрепились значения «сведения», «свидетельства», «разузнавание», «исследование» [13, с. 12]. Как видим, этимология слова не вынуждает нас относить его значение только к миру людей. И в древности и сейчас в широком смысле это слово используют применительно и к природе, и к обществу. В таком широком смысле оно употребляется для выражения процессов становления (когда нечто, изменяясь во времени, становится чем-то другим) и развития, т.е. такого изменения во времени, в ходе которого различные качественные этапы существования некоторого объекта сменяют друг друга. При этом описание становления или развития чего-либо только тогда называют историей, когда развитие этого объекта рассматривается не абстрактно, а конкретно: с учётом места, времени и обстоятельств. Существуют такие понятные всем выражения, как «история природы», «история вселенной», «история растений», «геологическая история Земли» и т.п. Но в более узком смысле история – это история именно человеческого общества. Термин «история» имеет в современных европейских языках три устоявшихся к нашему времени значения – знание (наука), реальность (бытие исторической реальности, «события») и рассказ о ней (текст) [Там же, с. 14].

Само слово «история» используется для обозначения именно человеческого бытия конвенционально, по согласию между людьми, т.е. в значительной мере произвольно, подобно тому как одного человека родители называют Иваном, а другого Петром. Но характеристики этого человеческого бытия, как признаки «историчности», не даются произвольно, но выводятся с необходимостью, т.е. представляют собой объективно истинное знание. Формальная логика не занимается познанием мира и определением признаков предметов. Но, поскольку учёные в результате научного познания, основанного на опыте, определили признаки интересующего их объекта – в данном случае человечества – и согласились называть его существование историей, то историчность для нас определяется всем тем, что характерно для совместной жизни людей. Отсюда дедуцируется разумность, духовность, свобода, изменчивость, развитие и временность. Конкретность и индивидуальность являются характеристиками историчности исходя из первоначальных значений слова история в смысле «сведения» о чём-либо: сведения должны быть конкретными, чтобы не спутать при «дознании» данный объект с другим объектом этого рода. Принимая в расчёт полученные научным путём характеристики объекта и конвенциональное использование его наименования, мы понимаем, почему мы теперь используем словосочетание «историческая реальность» для обозначения мира людей и вправе использовать это понятие не как плод индивидуальной произвольной фантазии, понятный только автору, а как философское понятие, существующее в культуре человечества и обладающее гносеологическим основанием всеобщности и необходимости.

Признак отнесённости к прошлому как характеристика сущности исторического онтологически не совсем корректен и требует оговорки. Поскольку историю делают в настоящем с расчётом на будущее, постольку историческое существует не только как человеческое прошлое, но и как настоящее, вступающее в будущее, и является, таким образом, органически цельной тканью бытия, в которой причинно-следственные нити событий связывают эту реальность в органически единое целое. Поэтому историческое не совпадает только с прошлым и историческим не является одно только наше прошлое, но мы постоянно живём исторично. Быть историческим не означает быть только прошлым, ведь исторические события происходят не в прошлом, а в настоящем, и направляются они мечтами, целями и планами на будущее.

Можно заметить, что смысл понятия «историческая реальность» во многом совпадает со смыслом понятий «социальная реальность» и «общество». Данные понятия часто справедливо используются как синонимы. Они обозначают один и тот же объект – общество в своей целостности. Разница значений, видимо, состоит в том, что в понятиях «социальная реальность», «общество» чаще мыслится статика элементов и их взаимосвязей в мире людей, причём мыслится абстрактно от конкретных фактов, а в понятии «историческая реальность» мы подчёркиваем изменчивость этого мира, индивидуальность и неповторимость составляющих его элементов во всей конкретике их существования.

Как возникают понятия? Обычно мы первоначально эмпирически воспринимаем однородные предметы и в созерцании замечаем их подобие, то общее, что всем им присуще. Так, через рассмотрение многих частных случаев некоторого явления мы индуктивно приходим к осознанию общих признаков для всех этих единичных случаев и получаем общее понятие, которому даём имя. Так мы составляем понятия «молния», «дерево», «дом», «человек», «книга», «орудие труда», «белизна», «мужество», «дорога» и т.д. Мы видим эти

вещи, замечаем, что некоторые из них похожи друг на друга, и разбиваем их на группы по общим признакам. Но так ли мы приходим к понятию исторической реальности? Нет.

Во-первых, она не есть материальная вещь, во-вторых, она не дана нам эмпирически вся сразу в своей целостности, в-третьих, она не есть одно явление в ряду схожих явлений, мы не имеем ряда, поскольку историческая реальность в своей целостности есть единичный объект, и, в-четвёртых, она настолько сложна, многослойна и подвижна, что невозможно и немислимо полное синтетическое «фотографическое» представление о ней, как представление о лимоне или яблоке. Поэтому понятие исторической реальности не создаётся индуктивным путём сравнения и обобщения данных опыта. Однако нельзя думать, что это целиком априорное понятие, произвольно придуманное досужим разумом и не имеющее референта за пределами чистого разума. Совместная жизнь людей есть объективный факт мирового бытия, наряду с существованием природы, а не чья-то досужая выдумка [7, с. 10]. Мир людей и духовен и материален одновременно. Он как онтологический перекрёсток двух миров – материи и духа (сознания с его идеями). Материальная природа служит средой обитания и объектом преобразования для духа, и внешняя физическая сторона человеческой деятельности является проявлением и выражением мыслей. Эти-то физические выражения наших мыслей и отношений мы наблюдаем в опыте. Эмпирическому интересубъективному наблюдению доступны и тексты – материальные носители и выразители духа. Мы имеем опыт наблюдения человеческой деятельности, переживания исторических событий и ситуаций, опыт разговора (прямого обмена мыслями и чувствами), сотрудничества, совместной деятельности, согласия и взаимопонимания. Поэтому историческую реальность мы не только мыслим, но и переживаем, а при её осмыслении наш разум остаётся в надёжной области обработки данных опыта, что даёт возможность избежать произвольности и догматизма в образовании понятия о ней [5, с. 54, 89, 90, 138, 333, 481].

Тем не менее историческая реальность не столько ощущается органами чувств, сколько постигается разумом, так как она «в основной своей части невещественна» [13, с. 72]. Отношения людей: дружба, любовь, товарищество – это нечто невещественное. Кроме физических вещей и процессов, компонентами, образующими историческую реальность, являются невещественные, а поэтому невидимые мысли, чувства, ценности, интересы, потребности, желания и страсти людей, идеи как образцы и проекты деятельности, регулирующие принципы и нормы, государственные законы, человеческие связи и отношения, большие и малые социальные группы, общественные институты и учреждения – всё то, что названо духом и его формами в идеалистических концепциях истории, рассмотренных выше.

Историческая реальность не есть единичная вещь, как топор или карандаш, воспринимаемая в опыте как некоторая единично данная целостность. Тем более мы не воспринимаем ряда таких целостных предметов, с помощью которых мы могли бы сопоставить, сравнить и определить то общее, что им присуще. Л. А. Микешина справедливо отмечает, что «такие социальные целостности, как общество или экономика, капитализм или нация, язык или законодательные системы, мы не можем наблюдать и чувственно воспринимать их признаки и свойства – они не даны в виде “естественных единиц”, которые воспринимаются нашими чувствами как сходные» [11, с. 219]. Структура, которую они имеют, и порядок, который они образуют и в котором они могут быть соотнесены друг с другом, определяются не столько физическим миром, сколько умпостигаемыми смыслами человеческих отношений и теоретическими построениями. Поэтому понятия о таких объектах образуются не путём индуктивного обобщения, а иначе.

Л. А. Микешина, рассматривая проблему внелогического образования понятий на примерах трудов Э. Кассирера, Ф. Хайека, А. Шюца и Дж. Сёрля, отмечает, что зачастую в гуманитарных и социальных науках понятия «не “выводились” с помощью индукции, “родовидовым способом”, но “вводились” путём воображения, здравого смысла, интуитивной догадки – гипостазированием в разных формах» [Там же, с. 216]. Так, например, понятие «республиканизм», возникшее в начале XVIII века на почве «напряжения между современной политической ситуацией и идеалом, возможным в будущем... содержит важный элемент – ожидание; это понятие отсылает к будущему» [Там же, с. 215], становясь его проектом. Проективное значение имели и имеют и многие другие гуманитарные и социальные понятия, такие как «коммунизм», «либерализм», «демократизм», «патриотизм», «национализм», «правовое государство» «справедливость», «гармония», «вечный мир» и др. Они не столько обобщают в себе фактически уже наличные признаки политических или экономических систем, сколько выражают общественные мечты, чаяния и идеалы, регулируют мышление и деятельность, конституируют историческую реальность. Понятия из сферы «практического разума» отражают не то, что есть, а то, что быть должно, и являются результатом не столько логических процедур анализа и синтеза, сколько ожидания и проектирования.

Используя кантовскую терминологию, можно сказать, что понятие «историческая реальность» не есть эмпирическое понятие, оно представляет собой понятие разума – синтетическое единство объекта, получившееся как результат применения априорных принципов организации материала к имеющимся опытным и смысловым данным [5, с. 128, 129, 130, 282]. Материал, который выражает не логический, а фактический объём понятия «историческая реальность», необозримо многообразен, сложен и велик [12]. Какие образы возникают в голове при мысли об истории? Развалины Парфенона и римские древности, египетские пирамиды и молчаливые степные курганы, древние индийские храмы, китайские пагоды и великая китайская стена, дремучие германские и славянские леса и бескрайние степи кочевников, площади и улочки старых городов, заполненных многоголосым гомоном, на которых разворачиваются бесчисленные драмы жизни. Примеров таковых драм множество: блуждания древних евреев по пустыне и плавание Христофора Колумба, греко-персидские войны, походы Александра Македонского, римских легионов и орд Аттилы, Чингисхана, Батые и Тамерлана, великое переселение народов и незаметный повседневный труд земледельцев,

пастухов, ремесленников и фабрично-заводских рабочих, крестовые походы и народные восстания, наполеоновские, мировые, гражданские и отечественные войны, путешествия, великие географические открытия и Реформация, освоение русского севера, Сибири и Америки, экономические и политические реформы, научные, социальные и культурные революции. Мы созерцаем народы, классы и сословия; в этой массе народа – крестьяне в домотканых льняных рубахах и ремесленники в кожаных фартуках, рыцари в доспехах и монахи в рясах, вельможи в шелке и мехах и голые рабы в цепях, нищие художники, философы, поэты и учёные, буржуазия в автомобилях и рабочие на фабриках. Мы созерцаем бесконечную вереницу лиц.

Картина всемирной истории соткана из бесчисленных деяний людей, движимых замыслами и определёнными смыслами на бескрайних и разнообразных природных ландшафтах в духовной атмосфере различных религий, правовых и нравственных норм, в стихии языка, который есть «дом бытия» [14, с. 266]. Если перебирать в мыслях исторические представления, «то мы увидим огромную картину изменений и деяний, бесконечно разнообразных формирований народов, государств, индивидуумов... общей мыслью, категорией, прежде всего представляющейся при этой непрерывной смене индивидуумов и народов, которые существуют некоторое время, а затем исчезают, является изменение вообще» [3, с. 543-544].

Обозревая все эти конкретные и неповторимые личности, народы, деяния и события, мы упорядочиваем эти объекты, распределяя их по таким структурным подсистемам социальной реальности, как система личности, социум и культура, систематизируем материал по сферам жизни общества: экономической, политической, духовной и социальной, по географическому расположению и хронологической последовательности существования – по годам, периодам, эпохам, эрам и векам, по способам производства, образующим общественно-экономические формации, и локальным цивилизациям. Пределом систематизации всего этого необозримого и разнородного материала и является понятие исторической реальности как самой общей мысли, которая объёмлет всё это. Вводя это онтологически и логически почти предельное понятие, мы организуем весь разнородный и необозримый эмпирический материал и базовые теоретические знания в один объект, одну конструкцию, с которой можно работать теоретически и практически [5, с. 125].

По своему объёму понятие «историческая реальность», подразумевающее целостность человечества, является единичным, потому что «человечество» – это единичное понятие, обозначающее только один объект. Подобно тому как руки и ноги человека есть части его тела, а одновременные потоки летнего дождя на Садовой и Тверской в Москве являются не разными дождями, а частями одного и того же дождя, «историческая реальность России XVII века» или «историческая реальность Франции XVIII века» суть части одного единого целого, и отношение этих объектов есть отношение частей к целому, а не логическое отношение видов к общему роду. Такое понимание получается как результат осознания единства человечества на одной планете Земля, целостности и органичности исторической реальности, все компоненты которой онтологически взаимопроникают друг в друга. Это даёт основания логически квалифицировать понятие исторической реальности как единичное по объёму.

Осуществляя логическую характеристику понятия, принципиально важно учитывать то, в каком отношении мыслится объект. Если этого не учесть, то возможно нарушение закона тождества и софистическая путаница мысли, при которой мы будем смутно думать о разных вещах, используя один и тот же термин [1, с. 213, 215]. Можно заметить, что в одном отношении понятие «историческая реальность» по объёму – единичное, а в другом отношении оно – общее. Мы можем ограничить его введением дополнительных признаков, скажем, указанием на место в пространстве или время существования объекта. У нас может получиться, что общее родовое понятие «историческая реальность» включает в свой объём такие единичные видовые понятия, как «историческая реальность России XVII века» или «историческая реальность Франции XVIII века», или общие видовые понятия типа «историческая реальность военного времени (периода восстановления народного хозяйства, периода глобализации, бронзового века или эпохи эллинизма)». Но тут необходимо учитывать то, что во всех подобных понятиях историческая реальность мыслится не в отношении ко всему человечеству как к целостности, а в отношении какой-либо его части или времени существования со специфическими условиями некоторого хронологического периода. При этом определение субъекта суждения происходит путем добавления тех значений, которые отсутствовали при определении исторической реальности как целого человечества, существующего во времени. Если мы вводим обстоятельства места и времени, равно как любые обстоятельства вообще, то историческую реальность мы начинаем мыслить не как человечество, а скорее как конкретный набор условий, характерный для существования того или иного общества (народа) в определённое время, в определённом месте (стране), в определённых обстоятельствах. По сути, происходит иное смысловое наполнение понятия и виден типичный случай паралогизма с нарушением закона тождества, когда, используя одно и то же слово, мы думаем о разных вещах: объектов несколько, а термин один.

Для аналогии приведём простые примеры: понятие «писатель Лев Николаевич Толстой» – это единичное понятие, обозначающее только один объект, но мы можем думать о нём как о молодом и начинающем либо как о зрелом авторе. Или «российский народ» как историческая социальная целостность – это один объект, а многострадальный или процветающий российский народ обозначают различные состояния этого единого объекта, и, по сути, мы мыслим здесь уже не столько сам народ, сколько его характеристики – те состояния или положения, которые он переживает. При этом речевой стереотип скрывает от ума подмену смысла понятия и формально мы можем посчитать, что при добавлении ограничивающих объём признаков мы получаем видовые понятия, подводимые под один род, хотя на самом деле мы думаем о разных вещах: о субстанции и состоянии, об эссенции и акциденции, то есть о народе, как о субстанции и состоянии, в котором народ пребывает.

Таким образом, работа над логической характеристикой понятия «историческая реальность» показывает, что это единичное по объёму понятие, содержание которого определяется такими признаками, критериями

исторического, как соотносённость с человеком, социальность, духовность, изменчивость, временность, развитие, конкретность и индивидуальность, отнесённость к прошлому. Синтез этих признаков даёт дефиницию, согласно которой историческая реальность – это человечество, существующее и изменяющееся, развивающееся во времени как особый духовно-физический мир совместной жизни и деятельности людей, во всей совокупности конкретных условий и фактов его бытия. Определённость этого понятия является теоретическим продуктом того концептуального подхода, в рамках которого мыслится данное понятие.

Список источников

1. Аристотель. Метафизика. М.: Эксмо, 2015. 448 с.
2. Бердяев Н. А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 174 с.
3. Гегель Г. Феноменология духа. Философия истории. М.: Эксмо, 2007. 880 с.
4. Гусев Д. А. Логика: учеб. пособие. М.: Московский психолого-социальный институт, 2010. 376 с.
5. Кант И. Сочинения: в 8-ми т. М.: Чоро, 1994. Т. 3. 741 с.
6. Ключевский В. О. Афоризмы и мысли об истории: Афоризмы. Исторические портреты и очерки. Дневники. М.: Эксмо, 2007. 480 с.
7. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций: в 3-х кн. Минск: Харвест, 2007. Кн. 1. 592 с.
8. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. 486 с.
9. Кроче Б. Антология сочинений по философии. СПб.: Пневма, 2008. 477 с.
10. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М.: Академический Проект, 2010. 775 с.
11. Микешина Л. А. Диалог когнитивных практик. Из истории эпистемологии и философии науки. М.: РОССПЭН, 2010. 575 с.
12. Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий. Логическое введение в исторические науки. СПб.: Наука, 1997. 533 с.
13. Савельева И. М., Полегаев А. В. Знание о прошлом: теория и история: в 2-х т. СПб.: Наука, 2003. Т. 1. Конструирование прошлого. 632 с.
14. Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. СПб.: Наука, 2007. 622 с.
15. Энгельс Ф. Диалектика природы. М.: Политиздат, 1982. 359 с.

HISTORICAL REALITY: THE CONTENT AND THE VOLUME OF THE NOTION

Shcherbakov Dmitrii Aleksandrovich, Ph. D. in Philosophy
Orenburg State Pedagogical University
am720@ya.ru

The article reveals the content and determines the volume of the notion “historical reality”, which is used in historical science, philosophy of history and ontological studies of the existence of mankind in time. The idea is substantiated that this notion, implying the development of mankind as a single organic whole, is individual in its volume. The scientific novelty of the study is in applying formal logic to characterize this ultimate philosophical notion.

Key words and phrases: historical reality; content of notion; ontology; being; time; essence.

УДК 377:94(571.55)

Исторические науки и археология

Статья посвящена анализу реформы профессиональной школы в Читинской области в середине 1980-х гг. В ней проанализирован ряд мероприятий в ходе её реализации, предусматривающих изменение учебных программ средних профессионально-технических учебных заведений, установление тесных связей СПТУ, общеобразовательных школ и базовых предприятий, укрепление материально-технической базы и повышение качества производственного обучения. Показаны противоречивые результаты реформы 1984 г. в указанном регионе.

Ключевые слова и фразы: профессиональное образование; реформа общеобразовательной и профессиональной школы; СССР; Читинская область; среднее профессионально-техническое училище.

Яремчук Ольга Анатольевна, к.и.н., доцент

Ряженова Виктория Сергеевна

Забайкальский государственный университет, г. Чита
oyaremchuk@yandex.ru; vik-ryazhenova2014@ya.ru

**РЕАЛИЗАЦИЯ РЕФОРМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В ЧИТИНСКОЙ ОБЛАСТИ (СЕРЕДИНА 1980-Х ГОДОВ)**

На современном этапе наряду с высшей школой ведущее место в подготовке кадров для всех отраслей экономики и социальной сферы Российской Федерации занимает система среднего профессионального